

Острая, пронзительная боль в голове.

Словно рябь по воде, перед глазами поплыли призрачные видения. Воспоминания, странные и причудливые, рассыпались, как осколки разбитого зеркала. Нань Суминь изо всех сил попытался приоткрыть глаза — каждое движение, будь то тело или душа, отдавалось нестерпимым, разрывающим на части страданием.

Он обнаружил, что лежит на резной деревянной кровати. Полог с одной стороны был поднят, и сквозь переплет оконных рам пробивались лучи дневного света — они слепили так, что смотреть было невозможно.

У кровати сидели или стояли двое — юноша и девушка. Их лица казались размытыми, а голоса доносились словно из-под толщи темной воды или из какого-то иного, совсем близкого, но недостижимого мира.

Где это...

Кто они такие...

В душе Нань Суминя царил хаос. Раскалывающаяся от боли голова мешала даже вспомнить, кто он такой, но одна мысль становилась все отчетливее: это место — совсем не его тесная, убогая комната в общежитии.

Здесь...

Это сон?

Или, может быть... загробный мир?

Острая боль немного отступила. Он хотел открыть глаза шире, хотел поднять руку и отдернуть занавеску, но тело пока не слушалось. Постепенно обрывки воспоминаний, словно вспышки света, начали пробиваться в сознание: тусклый свет лампы в общежитии, мерцающий посреди ночи экран телефона, а вместе с этим — странные золотистые искорки, струящиеся, подобно реке, и оседающие в его затуманенном разуме, даря краткий миг ясности.

Вскоре он отчетливо услышал голос девушки: она звала его шисюном. Пальцы, сжимавшие его ладонь, казались теплыми.

Если я чувствую тепло, значит, еще не окончательно мертв...

Под настойчивый зов девушки Нань Суминь наконец сбросил оковы дурмана и полностью открыл глаза.

Перед ним предстала совершенно незнакомая комната.

В центре стояла легкая ширма, разделявшая пространство. Нань Суминь лежал во внутренней части, а юноша, которого называли Цзян Синчжи, поддерживал его, помогая напиться. Холодная вода обожгла горло, он едва не поперхнулся, но пересохшее, саднившее горло

наконец обрело чувствительность. Он с трудом поднял руку, чтобы отстранить руку юноши, и тот тут же, поняв без слов, убрал чашу.

— Я... где я... — его голос прозвучал хрипло и неузнаваемо, он сам испугался этого звука.

— Это зал Нефутан, шисюн! Ты вернулся в Фаньсинчжоу, все хорошо, все позади! — девушка по имени Цюй Шаньси, стоявшая рядом, широко распахнула сияющие глаза, готовая вот-вот разрыдаться.

Нефутан... Фаньсинчжоу...

Стоило девушке произнести эти слова, как на Нань Суминя обрушился поток чужих, выцветших воспоминаний. Они не складывались в единую картину, лишь вонзались в сознание, словно острые шипы.

В тумане возник образ даоса в одежде цвета лотоса; тот держал его, маленького, за руку и вел через лес к озеру, раз за разом повторяя: А-Хун.

А-Хун?

Это меня так зовут?

Здесь... это Фаньсинчжоу, место, где я вырос?

Они — Цюй Шаньси и Цзян Синчжи.

Мои... друзья детства?

Подобные картины, словно длинные иглы, терзали разум Нань Суминя. Хоть все было перепутано и хаотично, это казалось пугающе реальным, будто он прожил в этом мире еще десяток лет.

Но ведь он всего лишь обычный студент третьего курса... Точно... завтра утром лекция... профессор сказал, что если он снова не придет отметить, баллы за семестр обнулят, и он не получит ни единого зачета.

Это сон, нужно скорее проснуться...

Нань Суминь нахмурился, потер глаза и замер. Спустя время Цзян Синчжи, заметив неладное, обеспокоенно потряс его за плечо:

— А-Хун, ты наконец очнулся, не пугай нас так! Шаньси, почему врач до сих пор не пришел? Может, сходишь посмотришь?

Чужеродные воспоминания постепенно утихли, словно погрузились в ледяную заводь. Сильная головная боль утихла, но сознание все еще оставалось тяжелым и затуманенным. Он все еще помнил про отметку на лекции, с трудом сбросил одеяло и попытался встать, но ноги, словно налитые свинцом, подвели — не успел он сделать и двух шагов, как тяжело рухнул на пол.

Тело пронзила новая волна боли. Лоб горел, и он в полузабытьи позволил Цюй Шаньси и Цзян Синчжи поднять себя. Оба были совсем молоды, лет шестнадцати-семнадцати, и совсем не умели ухаживать за больными. Шумно суетясь, они кое-как усадили его обратно на кровать, а Цюй Шаньси начала так усердно хлопать его по спине, что он едва не задохнулся и принялся кашлять.

После этого происшествия Нань Суминь наконец пришел в себя. Взгляд прояснился: прямо перед ним, под переплетом оконных рам, стоял желтый деревянный стол, на котором в беспорядке лежали чашки, чайный сервиз и медное зеркало. В окне виднелись бескрайние листья лотоса, сливающиеся с небом.

Он опустил взгляд на свои руки: на нем был белый халат с запахом на правую сторону, кисти рук были неестественно худыми и бледными, а во всем теле не было ни капли сил — состояние совсем не похожее на обычное недомогание.

В комнату поспешно вошли несколько человек. Они начали проверять пульс, и некоторые из них казались ему знакомыми, хотя в памяти не было ни единого упоминания о них. Люди переговаривались, твердя о том, что больному стало лучше и что худшее позади, отчего в голове Нань Суминя стало еще больше путаницы.

Среди бесконечных мыслей одна догадка внезапно пронзила его:

Это место, по всей видимости, уже не тот мир, который знал Нань Суминь.

Вошедшие наперебой спрашивали, как он себя чувствует. От этого шума виски пронзила резкая боль. Цюй Шаньси, заметив, что он снова бледнеет, была готова выгнать всех прочь.

Остальных попросили отойти за ширму. Нань Суминь позволил врачу осмотреть свои руки. Когда с него сняли белую нижнюю рубашу, он заметил, что грудь обмотана белыми бинтами, пропитанными черной кровью.

Он попытался покопаться в чуждых воспоминаниях, чтобы найти причину этой смертельной раны, но ни одна ясная картина не была связана с этим повреждением. Он изо всех сил сосредоточился, пытаясь разглядеть что-то в глубине сознания, но тут же ощутил укол в голове, такой болезненный, что невольно застонал.

Врач, решив, что сделал больно своим неосторожным движением, поспешно извинился и принялся объяснять состояние пациента:

— Рана молодого главы секты отравлена демоническим ядом, поэтому она так трудно заживает. К счастью, сердечная жила не была перебита этим ударом, а глава секты Цюй из Цинсичжу вовремя подавил жизненную энергию с помощью игл преследования души. Небеса милостивы, вам не суждено было погибнуть.

Нань Суминь потерял виски, с болезненным видом невнятно отозвавшись на слова врача — эхо той боли все еще отдавалось в голове, словно угроза или предупреждение. Врач помог ему одеться, дал указания по приему отваров от жара и, поклонившись, удалился.

Он попытался встать самостоятельно, опираясь на спинку кровати, и медленно доковылял до стола. Дрожащими руками он взял медное зеркало и взглянул на свое отражение:

Если не брать в расчет бледное и изможденное после долгой болезни лицо, черты были мягкими, а внешность — благородной. Он почти не отличался от себя прежнего, даже пара бирюзовых глаз, которые в его мире всегда выделяли его среди окружающих, осталась на месте... Вот только выглядел он здесь куда моложе, кости еще не успели до конца сформироваться.

Цюй Шаньси, увидев, что он встал, опешила:

— Шисюн, тебе полегчало? — она тут же пожалела о своем вопросе, коря себя за то, что от радости из-за его пробуждения совсем потеряла голову.

Вошедший следом юноша в черном кивнул врачам и с улыбкой обратился к нему:

— В Нефутане обо всем позаботимся мы с шисюном Линь Цюнчжи, тебе не о чем беспокоиться. Отдыхай и набирайся сил, это лучшее, что ты можешь сделать для нашего спокойствия.

Нань Суминь отложил зеркало и почти машинально спросил:

— Где учитель?

Вопрос слетел с губ сам собой. И лишь произнеся это, он из смутных воспоминаний запоздало осознал, о ком идет речь — о том самом даосе в одежде цвета лотоса, который, когда он только очнулся, звал его А-Хуном.

О том, кто привел его, маленького Нань Чичжи, в Фаньсинчжоу.

Он опустил голову и замолчал, с трудом пытаясь привести в порядок хаотичные и противоречивые воспоминания. Вскоре он понял: в этом мире его зовут Нань Чичжи, его детское имя — А-Хун, он молодой глава Нефутана, одной из трех сект Фаньсинчжоу, а его наставник — глава секты Нань Хуай.

Но стоило ему попытаться вспомнить, где сейчас Нань Хуай, как знакомая острая боль вновь пронзила его разум.

<http://bllate.org/book/19119/1877630>